

Genre

economics

Author Info

Джон М. Перкинс

Новая исповедь экономического убийцы

В предыдущем издании Джон Перкинс разоблачает разрушительные махинации «экономических убийц»: он пишет, что это высокооплачиваемые профессионалы, которые выкачивают триллионы долларов из стран по всему миру. Они пользуются такими методами, как фальсифицированные финансовые отчеты, подтасованные выборы, шантаж, вымогательства, секс и убийства.

Сам Перкинс занимался кредитами: в его обязанности входило убеждать стратегически важные государства брать взаймы гигантские суммы денег на масштабные «научно-технические» проекты, нацеленные на поддержание интересов богатейших людей, при этом погружая страны в нищету и долги. А чем больше долг страны, тем легче ее контролировать.

В новом издании Перкинс подробно рассказывает о том, как он и другие, подобные ему, выполняли свою работу. Книга дополнена документальными подтверждениями деятельности «экономических убийц» за период 2004–2015 годы, а также скандальным разделом о том, что сейчас методы «экономических убийц» применяются намного активнее, чем когда-либо, — даже в самой Америке. Новый материал посвящен странам: Сейшельские острова, Гондурас, Эквадор, Ливия, Турция, Вьетнам, Китай, США и Западной Европе.

Страх и долги — вот на чем строится система экономических убийств. Нас запугивают, чтобы мы платили любые деньги, влезали в любые долги. Система экономических убийств — фиктивная экономика, взятки, слежка, обман, долги, государственные перевороты, убийства, злоупотребление военной силой — превратилась в доминирующую экономическую, государственную и социальную систему.

Джон Перкинс стал первым, кто рассказал о чудовищных по своей циничности тайных операциях спецслужб и олигархических кланов Америки, которые они проворачивают во всем мире. По степени важности раскрытых им схем в одном ряду с ним стоят современные разоблачители — Джюлиан Ассанж и Эдвард Сноуден, за которыми теперь ведется охота спецслужбами США.

V 1.0 by prussol

Джон Перкинс

Новая исповедь экономического убийцы

Посвящается моей бабушке, Луле Брисбин Муди, научившей меня верить в правду, любовь и воображение, и моему внуку, Гранту Итану Миллеру, который побуждает меня всеми силами создавать мир, достойный его и всех детей, живущих на нашей планете.

John Perkins

The New Confessions of an Economic Hit Man

Berrett-Koehler Publishers, Inc.

San Francisco

Переводчик — Мария Чомахидзе-Доронина

© John Perkins, 2016

© Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2016

Предисловие

Экономические убийцы (ЭУ) — это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, получаемые этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка результатов выборов, взятки, вымогательство, секс и убийство. Они играют в старую, как мир, игру, приобретающую сейчас, во времена глобализации, угрожающие размеры.

Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ.

Я написал эти слова в 1982 году. Так начиналась книга с рабочим названием «Совесть экономического убийцы». В книге рассказывалось о президентах двух стран, моих клиентах, людях, которых я уважал и считал родственными душами: Хайме Рольдосе, президенте Эквадора, и Омаре Торрихосе, президенте Панамы. Незадолго до написания книги оба погибли в ужасных авариях. Их смерть не была случайностью. Их устранили, потому что они выступили против союза глав корпораций, правительств и банков, планировавшего создание глобальной империи. Нам, ЭУ, не удалось вовлечь Рольдоса и Торрихоса в эту компанию, и в игру вступили убийцы другого рода — направленные ЦРУ «шакалы», которые всегда подстраховывали наши действия.

Тогда меня отговорили писать эту книгу. В течение последующих 20 лет я четыре раза брался за нее снова. К этому меня подталкивало какое-нибудь событие в мире: вторжение США в Панаму в 1989 году[1], первая война в Персидском заливе[2], события в Сомали[3], появление Усамы бен-Ладена[4]. Но всякий раз угрозами или взятками меня убеждали остановиться.

В 2003 году президент крупного издательства, которым владеет влиятельная международная корпорация, прочитал черновик того, что впоследствии превратилось в книгу «Исповедь экономического убийцы». По его словам, это была «захватывающая история, которую следует рассказать». Затем, печально улыбнувшись и покачав головой, он признался, что не возьмет на себя смелость опубликовать эту книгу, поскольку его начальству в международной штаб-квартире это может не понравиться.

Он посоветовал написать на основе книги художественное произведение. «Мы могли бы продавать твои книги, если бы ты выступил как романист — подобно Джону Ле Карре или Грэму Грину». Но эта книга — не художественное произведение. Это реальная история моей жизни. Более смелый издатель, не зависящий от международной корпорации, согласился помочь мне рассказать ее. И все-таки, что же заставило меня забыть о взятках и угрозах?

Коротко можно ответить так. Моя единственная дочь, Джессика, окончив колледж, вступила в самостоятельную жизнь. Когда не так давно я сообщил ей, что собираюсь написать эту книгу, и поделился своими опасениями, она сказала: «Не волнуйся, папа. Если до тебя доберутся, я продолжу с того места, где ты остановишься. Мы должны сделать это для твоих будущих внуков, которых я надеюсь когда-нибудь тебе подарить».

Более развернутый ответ на этот вопрос предполагает и преданность стране, в которой я вырос; и верность идеалам, сформулированным отцами-основателями нашего государства; и моими обязательствами перед Америкой, которая сегодня обещает «жизнь, свободу и возможность счастья»

для всех людей и повсюду; и мое решение после 11 сентября 2001 года не сидеть сложа руки, наблюдая, как ЭУ превращают республику в глобальную империю. Это — скелет моего подробного ответа, кровь и плоть которого читатель найдет в последующих главах.

Почему меня не убили за такие признания? Я подробнейшим образом объясню, как сама эта книга стала моей лучшей страховкой.

Это реальная история. Я прожил каждую ее минуту. Все описанное мною — это часть моей жизни. Хотя рассказ ведется обо мне, он все же предстает в контексте глобальных событий, которые повлияли на нашу историю, приведя нас туда, где мы сегодня находимся, и заложили основы будущего наших детей. Я старался максимально точно отразить все события, описать действующих лиц и передать разговоры. Рассуждая об исторических событиях или воссоздавая диалоги, я пользовался несколькими источниками: уже опубликованными документами; своими записями; воспоминаниями — как собственными, так и других участников этих событий; рукописями пяти других своих книг; историческими отчетами разных авторов, особенно недавно опубликованными и содержащими ранее засекреченную или закрытую по тем или иным соображениям информацию. Система ссылок позволяет заинтересовавшимся читателям более подробно разобраться в том или ином вопросе. В некоторых случаях я объединил в один диалог общение с людьми, происходившее в разные дни, чтобы не сбивать повествование.

Мой издатель спросил, действительно ли мы называли друг друга экономическими убийцами. Я заверил его, что так оно и было, хотя преимущественно использовалась аббревиатура ЭУ. В 1971 году, когда я начал работать со своим преподавателем Клодин, она предупредила меня: «Моя задача — сделать из вас экономического убийцу. Никто не должен знать о вашей работе, даже жена».

Потом сказала серьезно: «Если вы принимаете решение этим заниматься, то будете заниматься этим всю жизнь». Впоследствии она редко употребляла словосочетание «экономический убийца», мы стали просто ЭУ.

Клодин не стеснялась в выражениях, описывая то, что мне придется делать. Моя работа, говорила она, будет заключаться в «подталкивании лидеров разных стран мира к тому, чтобы они всемерно способствовали продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце концов, эти лидеры оказываются в долговой яме, которая и обеспечивает их лояльность. При необходимости мы сможем использовать их в своих политических, экономических или военных целях. В свою очередь, они укрепляют собственное политическое положение, поскольку дают своим народам технопарки, электростанции и аэропорты. А тем временем владельцы инженерных и строительных компаний США становятся сказочно богатыми».

Если нас постигнет неудача, в игру вступят так называемые «шакалы» — более страшная разновидность экономических убийц! А если шакалы упустят добычу, делом займутся военные. Прошло больше 12 лет после первой публикации «Исповеди экономического убийцы», и мы с моим первым издателем решили, что пора подготовить новое издание. Читатели первой книги (2004 г.) прислали мне тысячи электронных сообщений, интересуясь, как ее выход в свет повлиял на мою жизнь, как я собираюсь искупить свою вину и изменить систему экономических убийств, и чем они, в свою очередь, могут мне помочь. В этой книге я отвечу на все вопросы.

Необходимость в новом издании книги вызвана еще и тем, что мир совершенно изменился. Система ЭУ — основанная на долгах и страхе — стала намного опаснее и вероломнее, чем в 2004 году.

Экономические убийцы расширяют свои ряды чудовищными темпами, применяя все более изощренные формы обмана и маскировки. Сильнейший удар пришелся по нам — Соединенным Штатам Америки. Пострадал весь мир. Мы оказались на грани катастрофы — экономической, политической, социальной и экологической. Пора что-то изменить.

Эта история должна быть рассказана. Мы живем во времена тяжелейшего кризиса — и практически безграничных возможностей. История этого конкретного экономического убийцы показывает, как мы оказались в таком положении и почему так часто сталкиваемся с кризисами, которые кажутся непреодолимыми.

Эта книга — исповедь человека, который в те времена, когда я был экономическим убийцей, был членом сравнительно небольшой группы людей. Сейчас их стало намного больше. Они занимают благопристойные должности; ходят по коридорам 500 богатейших компаний мира, таких как Exxon, Walmart, General Motors и Monsanto; они используют систему ЭУ, чтобы продвигать свои личные интересы.

По сути «Новая исповедь экономического убийцы» посвящена именно этой новой когорте ЭУ.

Это и ваша история, история вашего мира и моего мира. Все мы соучастники. Пора признать нашу собственную ответственность за то, каким стал этот мир. Экономические убийцы преуспели, потому что мы сотрудничаем с ними. Они соблазняют, завлекают и угрожают, но победу одерживают только тогда, когда мы закрываем глаза на их дела или поддаемся на их ухищрения.

Когда вы будете читать эти слова, в мире произойдут события, которые трудно даже себе представить. Пусть эта книга поможет вам по-новому взглянуть на эти события и на то, что нас ожидает в будущем.

Осознание проблемы есть первый шаг к ее решению. Признание греха есть путь к его искуплению. И пусть эта книга станет началом пути к нашему спасению. Пусть она поднимет нас на новые ступени сознательности и поможет воплотить мечту о гармоничном и достойном уважения обществе.

Джон Перкинс.

Октябрь 2015

Введение

Новая исповедь

Каждый день меня мучают призраки прошлого. Мне стыдно за ложь, которую я говорил, отстаивая интересы Всемирного банка. Стыдно за то, как я вместе с этим банком и его дочерними организациями помог американским корпорациям опутать своей ядовитой паутиной всю планету. Мне стыдно за «откаты» лидерам бедных стран, за шантаж и угрозы, что если они откажутся от кредитов, которые должны поработить их страны, шакалы ЦРУ либо свергнут их, либо убьют. По ночам меня часто мучают кошмары — я вижу лица глав государств, моих друзей, погибших из-за того, что они отказались предать свой народ. Подобно леди Макбет из трагедии Шекспира, я пытаюсь смыть кровь со своих рук.

Но кровь — всего лишь симптом.

Раковая опухоль, которую мне удалось вскрыть в «Исповеди экономического убийцы», дала метастазы. Она укоренилась настолько глубоко иочно, что охватила не только развивающиеся страны, но и США и весь мир; она пошатнула основы самой демократии, угрожая будущему нашей планеты.

Все инструменты экономических убийц и шакалов — фиктивная экономика, ложные обещания, угрозы, взятки, шантаж и вымогательства, займы, обман, государственные перевороты, убийства, военный произвол — применяются во всем мире намного активнее, чем десять лет назад, когда я впервые опубликовал свою исповедь. Несмотря на столь сильное расплазание рака, большинство людей даже не подозревают о нем; тем не менее каждый из нас страдает от его разрушительного воздействия. Он стал доминирующей системой в экономике, правительстве и обществе.

Эта система опирается на страх и долговое рабство. Нас со всех сторон убеждают в том, что мы обязаны сделать все возможное, заплатить любую цену, взять на себя любой долг, чтобы остановить врага, который, как нам внушают, готов в любой момент вломиться к нам в дом. При этом указывают внешний источник проблемы. Мятежники. Террористы. «Они». И для решения этой проблемы необходимо потратить гигантские суммы денег на товары и услуги корпоратократии, как я ее называю, — вездесущей сети корпораций, банков, правительств — участников тайного сговора, а также богатых и влиятельных людей, связанных с ними. Мы влезаем в долги; наша страна и ее ставленники во Всемирном банке и его дочерних организациях запугивают и принуждают другие страны влезать в долги; долг порабощает и нас, и их.

Эти стратегии создали «экономику смерти», основанную на войне, долгах и расхищении природных ресурсов. Это разрушительная экономика, стремительно уничтожающая те ресурсы, от которых сама же зависит, и в то же время отравляющая воздух, которым мы дышим, воду, которую мы пьем, и пищу, которую мы едим. Хотя экономика смерти построена на неком подобии капитализма, важно отметить, что слово «капитализм» предполагает экономическую и политическую систему, при которой торговля и промышленность контролируются частным капиталом, а не государством. Сюда входят и местные фермерские рынки, и крайне опасная форма глобального корпоративного капитализма, подвластного корпоратократии, хищнической по своей природе, которая и создала саморазрушительную экономику смерти.

Я решил написать «Новую исповедь экономического убийцы», потому что за последние десять лет многое изменилось. Раковая опухоль охватила Соединенные Штаты Америки и весь мир. Богатые богатеют, а все остальные беднеют.

Мощный механизм пропаганды, созданный корпоратократией, убеждает нас принять догмы, служащие ее интересам, а не нашим. Они ухитряются внушить нам, что мы должны жить в системе, основанной на страхе и долгах, приобретая вещи и уничтожая всех, кто не похож на «нас». Они убедили нас в том, что система ЭУ обеспечит нам безопасность и счастье.

Некоторые видят источник нынешних проблем в глобальном тайном сговоре. Если бы все было так просто. Как я расскажу позже, в мире действуют сотни таких заговоров — а не просто один большой заговор — которые влияют на всех нас, однако система ЭУ подпитывается более опасными явлениями. Она опирается на принципы, которые превратились в нерушимую догму. Мы верим в то, что любой экономический рост идет на пользу человечеству и что чем выше рост, тем больше пользы. Точно так же мы верим в то, что люди, которые способствуют экономическому росту, заслуживают славы и почестей, а те, кто оказался на обочине жизни, годны лишь для эксплуатации. И мы верим, что любые средства, включая те, которые применяют сейчас экономические убийцы и шакалы, хороши для достижения экономического роста, сохранения нашего комфорта и достатка, западного образа жизни; мы считаем себя вправе воевать со всеми (например, с исламскими

террористами), кто угрожает нашему экономическому благополучию, комфорту и безопасности. В ответ на просьбы читателей я добавил множество новых подробностей и признаний о наших методах работы в те времена, когда я был экономическим убийцей, а также разъяснил некоторые моменты из предыдущего издания. А главное — я добавил совершенно новый раздел — пятую часть, которая объясняет, как сегодня ведутся игры экономических убийц: кто такие сегодняшние ЭУ, шакалы и как им удается ложью и махинациями опутать и поработить намного больше людей, чем когда-либо.

Также по просьбе читателей я дополнил пятую часть книги новыми главами о том, как разрушить систему ЭУ, используя конкретные тактики.

В завершающем разделе «Документальное подтверждение деятельности экономических убийц за 2004–2015 годы» представлена подробная информация для читателей, которые ищут доказательства того, о чем я пишу в книге, и хотят изучить этот вопрос детальнее.

Несмотря на удручающую ситуацию и попытки современных олигархов разрушить демократию и всю планету, я не теряю надежду. Я знаю, что когда люди осознают истинные цели ЭУ, они сделают все возможное, чтобы удалить эту раковую опухоль и восстановить здоровье. «Новая исповедь экономического убийцы» рассказывает о современных методах системы и о том, как мы с вами — все мы — можем изменить ситуацию.

Том Пейн вдохновил американских революционеров словами: «Если суждено прийти беде, пусть она придет в мои дни, чтобы мои дети жили в мире». Сейчас эти слова важны не меньше, чем в 1776 году. В этой книге я ставлю перед собой ту же цель, что и Пейн: вдохновить и призвать вас сделать все возможное, чтобы наши дети жили в мире.

Часть первая: 1963–1971 гг.

Глава 1

Грязный бизнес

Закончив обучение в бизнес-школе в 1968 году, я твердо решил не участвовать во Вьетнамской войне. Мы с Энн недавно поженились. Она тоже была против войны и согласилась вместе со мной на настоящее приключение — вступить в ряды Корпуса мира. Мне было 23 года. Мы прибыли в город Кито, столицу Эквадора, в 1968 году, где мне как волонтеру поручили организовать кредитно-сберегательные товарищества в глухих ливневых лесах Амазонки. Энн обучала местных женщин правилам гигиены и ухода за детьми.

До этого Энн ездила в Европу, а я впервые покинул пределы Северной Америки. Я знал, что Кито расположен на высоте 2850 метров над уровнем моря, это одна из самых высоких столиц мира — и одна из беднейших. Я готовился увидеть нечто совершенно новое для себя, но реальность оказалась шокирующей.

Когда наш самолет из Майами приземлился в местном аэропорту, меня поразили лачуги, облепившие взлетно-посадочную полосу. Показывая на них, я спросил сидевшего рядом бизнесмена из Эквадора:

- Там действительно живут люди?
- Наша страна не самая богатая, — ответил он, мрачно кивнув.

Зрелище, открывшееся перед нами по дороге в город, оказалось еще более удручающим — нищие в лохмотьях, ковылявшие на самодельных костылях вдоль замусоренных улиц, дети с раздувшимися

животами, костлявые собаки и трущобы из картонных коробок вместо домов.

Автобус доставил нас в пятизвездочный отель Кито — InterContinental. Настоящий оазис комфорта и роскоши посреди нищеты. Здесь мне и еще 30 волонтерам Корпуса мира предстояло пройти несколько дней инструктажа.

На первой лекции нам рассказали, что Эквадор представляет собой нечто среднее между феодальной Европой и американским Диким Западом. Наши наставники предупредили обо всех опасностях: ядовитые змеи, малярия, анаконды, смертоносные паразиты и враждебно настроенные туземцы, охотящиеся за нашими скальпами. Затем добавили нотку позитива: компания Texaco обнаружила крупные месторождения нефти в ливневых лесах, неподалеку от нашего лагеря. Нас заверили, что нефть превратит Эквадор из беднейшей страны на планете в богатейшую.

Однажды вечером в ожидании лифта я разговаривал с высоким блондином, который, судя по манере растягивать слова, был родом из Техаса. Он был сейсмологом, консультантом Texaco. Узнав, что мы с Энн — бедные волонтеры Корпуса мира, которые собираются работать в ливневых лесах, он пригласил нас на ужин в шикарный ресторан на последнем этаже отеля. Я поверить не мог такому везению. Взглянув на меню, я сразу понял, что ужин обойдется дороже, чем наше месячное пособие. В тот вечер, когда я глядел из окна ресторана на Пичинча — гигантский вулкан, нависший над столицей Эквадора, и потягивал «Маргариту», меня заворожил этот человек с его образом жизни. Он рассказал нам, что иногда летал на корпоративном самолете прямо из Хьюстона в джунгли Амазонки, где была прорублена посадочная полоса.

— Нам не приходится мучиться с паспортным контролем и таможней, — хвастался он. — Эквадорское правительство выдало нам особое разрешение.

В ливневых лесах он передвигался исключительно в трейлере с кондиционером, шампанским и бифштексом на фарфоровой посуде.

— Не совсем то, что ждет вас, — добавил он, посмеиваясь.

Затем он рассказал об отчете, в котором писал «об обширных запасах нефти в джунглях». Этот отчет, по его признанию, используют, чтобы оправдать гигантские займы стране от Всемирного банка и убедить Уолл-стрит инвестировать в Техасо и другие компании, которые получат прибыль от нефтяного бума. Когда я выразил удивление, что прогресс может идти такими стремительными темпами, он как-то странно посмотрел на меня.

— Чему вас только учат в бизнес-школах? — спросил он.

Я не нашел, что ответить.

— Слушайте, — продолжал он, — это старая игра. Я видел такое в Азии, на Среднем Востоке и в Африке. Теперь и здесь. Сейсмические отчеты плюс неплохое месторождение нефти, как тот фонтан, на который мы сейчас наткнулись... — Он улыбнулся. — Вот вам и экономический бум!

Энн отметила всеобщее воодушевление эквадорцев тем, что нефть обеспечит им достаток и благополучие.

— Только тем, кто достаточно умен, чтобы играть по правилам, — ответил он.

Я вырос в одном из городков Нью-Гемпшира, названном в честь человека, который построил свой дом на холме, выше всех, на деньги, которые он скопил, продавая лопаты и одеяла калифорнийским золотодобытчикам в 1849 году.

— Коммерсанты, — начал я, — бизнесмены и банкиры.

— Точно. И на сегодняшний день — крупные корпорации. — Он откинулся на спинку стула. — Эта страна принадлежит нам. Мы получили намного больше, чем разрешение прилетать сюда без таможенных формальностей.

— Например?

— Вам многому придется научиться, как видно. — Он поднял свой «Мартини», указывая на город за окном. — Для начала мы контролируем военных. Выдаем им зарплату и оплачиваем всю технику и вооружение. А они защищают нас от индейцев, которым совершенно не нужны буровые вышки на их земле. В Латинской Америке тот, кто контролирует армию, контролирует и президента, и суд. Мы даже законы свои можем писать — сами определяем штраф за утечку нефти, зарплату, то есть все, что касается нас.

— Техасо платит за все это? — спросила Энн.

— Не совсем... — Он нагнулся к ней через стол и погладил по руке. — Вы платите. Или ваш папочка. Американский налогоплательщик. Деньги поступают через Агентство США по международному развитию, Всемирный банк, ЦРУ и Пентагон, но здесь — он махнул рукой в сторону города, видневшегося в окне, — считают, что во главе всего стоит Техасо. Вы ведь помните, что такие страны, как эта, могут похвастаться богатой историей государственных переворотов. Если хорошо покопаться, то станет ясно, что чаще всего это происходит тогда, когда лидеры страны отказываются играть по нашим правилам.

— Вы хотите сказать, что Техасо свергает правительства? — спросил я.

Он рассмеялся.

— В двух словах: правительства, которые не сотрудничают, считаются советскими марионетками. Они угрожают американским интересам и демократии. А ЦРУ это не нравится.

В тот вечер началось мое обучение тому, что позже я назвал системой экономических убийств. Несколько месяцев мы с Энн прожили в ливневых лесах Амазонки. Затем нас перевели в Анды, где мне поручили помочь кооперативу производителей кирпича повысить производительность их устаревших печей для обжига. Энн обучала людей с физическими и иными отклонениями, чтобы они могли найти работу на местных предприятиях.

В Эквадоре была крайне низкая социальная мобильность. Несколько богатым семьям, ricos, принадлежало буквально все, включая местный бизнес и политику. Их агенты покупали кирпичи у производителей по самой низкой цене и затем продавали их в десять раз дороже. Один из производителей кирпича пожаловался мэру. Несколько дней спустя его насмерть сбила машина. Местное сообщество пришло в ужас. Люди убеждали меня, что его убили. Мои подозрения укрепились, когда шеф полиции объявил, что погибший участвовал в кубинском заговоре, нацеленном на установление в Эквадоре коммунистической власти (Че Гевару казнили в Боливии в результате операции ЦРУ почти три года назад). Он намекнул, что любой производитель кирпичей, который нарушит установившийся порядок, будет арестован как мятежник.

Кирпичники умоляли меня пойти к богачам и все уладить. Они были готовы на все, лишь бы умилостивить тех, кого боялись, — веря, что богачи защитят их, если они сдадутся.

Я не знал, как поступить. Не имея никакого влияния на мэра, я решил, что вмешательство 25-летнего иностранца лишь усугубит ситуацию. Так что я просто высушивал этих людей и сочувствовал им. Со временем я понял, что богачи — часть системы, запугивавшей андийские народы еще со времен

испанских завоевателей. Я понимал, что мое молчаливое сочувствие вредит местным жителям. Им надо было научиться бороться со своими страхами; им надо было дать волю гневу, который они подавляли столько лет; им надо было осознать несправедливость, от которой они страдали; им надо было перестать ждать помощи от меня. Им надо было противостоять богачам.

Однажды вечером я обратился к местным жителям, сказав, что им пора действовать. Необходимо сделать все возможное — даже рискнуть жизнью — чтобы обеспечить процветание и мир своим детям.

Осознание того, что могу вдохновить этих людей, оказалось для меня важным уроком. Я понял, что сами люди стали невольными соучастниками этого заговора, и единственный выход из ситуации — убедить их действовать. И это сработало.

Производители кирпичей организовали кооператив. Каждая семья предоставила определенное количество кирпичей, доход с которых кооператив использовал для аренды грузовика и склада в городе. Богачи бойкотировали кооператив, пока лютеранская миссия из Норвегии не заключила соглашение с кооперативом на строительство школы, заплатив за кирпичи примерно в пять раз больше, чем платили богачи, но при этом в два раза меньше, чем если бы они покупали их у богачей. Кооператив процветал.

Примерно через год мы с Энн завершили свою работу в Корпусе мира. Мне было 26 лет, и я вышел из призывного возраста. Я стал экономическим убийцей.

Впервые вступив в их ряды, я убедил себя, что поступаю правильно. Южный Вьетнам попал под влияние коммунистического Севера, и теперь Советский Союз и Китай стали угрозой для всего мира. В бизнес-школе меня учили, что финансирование инфраструктурных проектов через гигантские займы у Всемирного банка выведет развивающиеся страны из бедности и вырвет их из когтей коммунизма. Эксперты Всемирного банка и Агентства США по международному развитию укрепили мою убежденность в этом.

К тому времени, когда мне стала ясна вся лживость этих басней, я накрепко завяз в системе. Я учился в закрытой школе в Нью-Гэмпшире и жил небогато, а теперь стал зарабатывать кучу денег, путешествовал первым классом в страны, о которых мечтал всю жизнь, останавливался в лучших гостиницах, ел в шикарных ресторанах и встречался с главами государств. И всего этого я добился сам. Мне и в голову не приходило все бросить.

А потом начались кошмары.

Я просыпался ночами в номерах шикарных отелей, терзаясь образами увиденных мною реальных картин: безногие больные проказой, привязанные к деревянным ящикам на колесах, катили по улицам Джакарты; мужчины и женщины, купающиеся в желто-зеленых водах канала, куда другие в это же время справляли нужду; труп человека в мусорной куче, кишачий червями и мухами; и дети, ночующие в картонных коробках и воюющие со стаями бродячих собак за обедки. Я понял, что эмоционально отстранился от всего этого. Подобно другим американцам, я даже не считал этих существ за людей; они были «попрошайками», «неудачниками» — «другими».

Однажды мой лимузин, предоставленный индонезийским правительством, остановился на светофоре. Большой проказой протянул ко мне через окно свои окровавленные обрубки. Мой водитель накричал на него. Тот криво ухмыльнулся, обнажив беззубый рот и отошел. Машина тронулась, но его дух словно остался со мной. Казалось, он искал именно меня; его кровавый

обрубок был предупреждением, его улыбка — посланием. «Исправься», — будто говорил он. — «Покайся».

Я стал внимательнее смотреть на мир вокруг меня. И на себя. Я осознал, что моя жизнь безрадостна, несмотря на все атрибуты успеха. Я глотал Валиум каждую ночь и слишком много пил. Я просыпался по утрам, накачивался кофе и таблетками и тащился на переговоры, где заключал контракты на сотни миллионов долларов.

Такая жизнь казалась мне абсолютно нормальной. Я верил в то, что делал. Я влез в долги, чтобы не отказываться от привычного комфорта. Мною руководил страх — страх коммунизма, потери работы, неудачи и лишения всех тех материальных благ, в которых, как мне внушали, я нуждался.

Однажды ночью меня разбудил кошмар иного рода.

Я вошел в кабинет руководителя страны, где только что открыли крупное месторождение нефти.
— Наши строительные компании, — начал я, — планируют арендовать оборудование в франшизе «Джон Дир», принадлежащей вашему брату. Мы заплатим в два раза больше текущих цен; ваш брат может поделиться прибылью с вами.

Во сне я продолжал объяснять, что мы собираемся заключить такие же соглашения с его друзьями, владевшими заводом по розливу «Кока-Колы», и с другими поставщиками продуктов питания и напитков, а также с подрядной организацией, которая будет нанимать работников. Все, что ему нужно сделать, — взять кредит во Всемирном банке, который позволит нанять американские корпорации для реализации инфраструктурных проектов в его стране.

Затем я вскользь отметил, что в случае отказа им займутся шакалы.

— Помните, — сказал я, — что стало с... — Я зачитал список имен, таких как Моссадык в Иране, Арбенс в Гватемале, Альянде в Чили, Лумумба в Конго, Зьем во Вьетнаме[5].

— Все они, — продолжал я, — были свергнуты или... — я провел пальцем по шее, — потому что отказались играть по нашим правилам.

Я лежал в холодном поту на кровати и с ужасом понимал, что этот кошмар отражает мою реальность. Именно этим я и занимался.

Мне было нетрудно убедить государственных чиновников, как из моего сна, внушительными данными, которые они могли использовать для оправдания займа перед своим народом. Мой штат экономистов, финансовых экспертов, статистиков и математиков мастерски составлял фальсифицированные эконометрические модели, доказывающие, что подобные инвестиции — в системы энергоснабжения, строительство трасс, портов, аэропортов и промзон — обеспечат экономический рост.

Многие годы я тоже верил во все эти модели и убеждал себя, что мои действия идут на благо той или иной стране. Я оправдывал свою работу тем, что ВВП действительно растет после строительства инфраструктуры. Теперь мне пришлось столкнуться с фактами, скрывающимися за математическими расчетами. Статистические данные были слишком предвзяты; они учитывали лишь интересы семей, владевших промышленностью, банками, торговыми центрами, супермаркетами, гостиницами и другим бизнесом, чье процветание зависело от инфраструктуры, которую мы строили.

Они богатели.

Остальные страдали.

Деньги, выделенные на здравоохранение, образование и другие социальные услуги, шли на оплату

процентов по кредитам. Конечно, погасить весь заем не удавалось; долги сковывали страну, словно кандалы. И тогда появлялись «убийцы» Международного валютного фонда и требовали, чтобы правительство продавало нашим корпорациям нефть или другие ресурсы по сниженной цене, чтобы страна приватизировала энергосистемы, водоснабжение, канализацию и другие сферы частного сектора и продала их корпоратократии. Крупный бизнес получал все.

Каждый раз выдвигалось одно неизменное условие займов: все инфраструктурные проекты должны были строить наши проектные и строительные компании. Большая часть денег так и не покидала США; их просто перенаправляли из банков Вашингтона в проектные фирмы Нью-Йорка, Хьюстона или Сан-Франциско. Мы, экономические убийцы, также следили за тем, чтобы страны-должники соглашались покупать самолеты, лекарства, машины, компьютеры и другие товары и услуги у наших корпораций.

Несмотря на то что деньги практически сразу возвращались к членам корпоратократии, страны-должники были обязаны выплатить весь долг плюс проценты. Если ЭУ действовали успешно, кредиты вырастали до таких размеров, что через несколько лет должники были не в состоянии выполнить свои обязательства по выплатам. Когда такое происходило, мы, ЭУ, как мафия, начинали вымогать свой кусок пирога. Обычно это касалось двух пунктов: возможность контролировать голоса в ООН, расположить свои военные базы на территории страны или получить доступ к ценным ресурсам, например, к нефти. При этом долг никто не отменял — просто к нашей глобальной империи добавлялась еще одна страна.

Эти кошмары помогли мне осознать, что я живу не той жизнью, к которой стремился. Я решил, что мне, подобно андийским производителям кирпича, пора нести ответственность за свою жизнь — за то, что я сделал с собой и с другими людьми и странами. Но прежде чем я сумел понять всю значимость своего решения, мне пришлось ответить на важный вопрос: каким образом хороший парень из сельского Нью-Гемпшира впутался в такой грязный бизнес?

Глава 2

Рождение экономического убийцы

Все началось вполне невинно.

Я родился в 1945 году. Единственный ребенок в семье из нижнего слоя среднего класса. Мои предки обосновались в Новой Англии три века назад. Несколько поколений предков пуритан дали себя знать в строгих, моралистических взглядах моих родителей. Они первыми в своих семьях получили образование в колледже — за счет государственных стипендий. Моя мать стала преподавателем латыни в старших классах. Мой отец участвовал во Второй мировой войне. Лейтенант военно-морских сил, он командовал орудийным расчетом на танкере торгового флота в Атлантике. Когда я родился в Ганновере в Нью-Гемпшире, он лечил перелом бедра в техасском госпитале. Я увидел его только тогда, когда мне уже исполнился год.

Отец стал преподавать иностранные языки в школе Тилтон, интернате для мальчиков, в сельском Нью-Гемпшире. Здание интерната располагалось на холме, гордо — некоторые говорили «высокомерно» — возвышаясь над городом-тезкой. Набор в это привилегированное учебное заведение был ограничен пятьюдесятью местами в каждом классе, с девятого по двенадцатый. Ученики были в основном отпрысками состоятельных семей из Буэнос-Айреса, Каракаса, Бостона и Нью-Йорка. В семье не хватало денег, однако мы ни в коем случае не считали себя бедными. Хотя

зарплата школьных учителей была весьма скромной, многое мы получали бесплатно: еду, жилье, отопление, воду, услуги рабочих, косивших газон и убирающих снег. Начиная с четвертого года жизни, я питался в столовой подготовительной школы, подавал мячи в футбольной команде, в которой отец был тренером, и выдавал полотенца в раздевалке.

Учителя и их жены свысока относились к местным жителям. Я много раз слышал, как мои родители в шутку говорили, что они лорды в поместье, управляющие крестьянами, — имелись в виду обитатели городка. Я знал, что это не просто шутка.

Когда я учился в начальных и средних классах, моими друзьями были ребята из очень бедных крестьянских семей. Их родители — чернорабочие, трудившиеся на фермах и мельницах, и лесорубы — пренебрежительно относились к «приготовишкам на горе».

В свою очередь, и мои родители не поощряли общения с городскими девчонками, называя их «шлюхами» и «потаскушками». С первого класса я дружил с этими девочками, мы обменивались книгами и мелками; со временем я по очереди влюбился в трех из них: Энн, Присциллу и Джуди. Мне было очень трудно принять точку зрения своих родителей, тем не менее я подчинился их воле. Каждый год мы проводили летний трехмесячный отпуск отца в коттедже на берегу озера. Его построил мой дед в 1921 году. Дом стоял в лесу, поэтому по ночам до нас доносились крики совы и рык горных львов. У нас не было соседей. Я был единственным ребенком на всю округу. Мне представлялось, что деревья вокруг — это рыцари Круглого стола и прекрасные дамы, которых я от тоски называл в разные годы Энн, Присцилла или Джуди. Мои чувства, без сомнения, ничуть не уступали страсти Ланцелота к Гиневре и были даже еще более потаенными.

В 14 лет я получил право на бесплатное обучение в школе Тилтон. Под давлением родителей я порвал все нити, связывавшие меня с городком, и больше уже никогда не видел своих старых друзей.

Когда мои новые одноклассники разъезжались на каникулы в свои особняки и пентхаусы, я оставался в школе один. Их подружки были «дебютантками» — дочерьми из родовитых семей. У меня вообще не было подружек. Все мои знакомые девочки были «потаскушками». Я прекратил общение с ними, и они забыли обо мне. Я остался один, что очень огорчало меня.

Мои родители были мастерами манипуляции. Они уверяли меня, что учиться в этой школе — большая честь; со временем я пойму это и буду им благодарен. Я найду прекрасную жену, отвечающую высоким моральным принципам нашей семьи. Внутри я кипел. Я жаждал общения с противоположным полом, и мысль о «потаскушке» была в высшей степени соблазнительной.

Однако вместо того чтобы восстать, я подавил свое негодование. Мое недовольство нашло выражение в стремлении стать лучшим во всем. Я был отличником, капитаном двух школьных команд, редактором школьной газеты. Я был полон решимости выделиться среди своих богатых одноклассников и навсегда оставить школу Тилтон. В выпускном классе мне предложили полную спортивную стипендию для получения образования в Брауне, а также академическую стипендию для обучения в Миддлбери. Я выбрал Браун, прежде всего потому, что мне нравилось заниматься спортом, а также потому, что он находился в городе. Моя мать окончила Миддлбери, отец получил там степень магистра, поэтому родители предпочли Миддлбери, хотя Браун и входил в «Лигу плюща»[6].

— А если ты сломаешь ногу? — спросил отец. — Академическая стипендия лучше.

Я уступил.

В моем понимании Миддлбери был увеличенной копией Тилтона, хотя и находился в Вермонте, а не в Нью-Гемпшире. Да, в нем было совместное обучение. Но я был беден, остальные студенты — богаты. Четыре года я учился в школе с раздельным обучением, где не было ни одной ученицы. Мне не хватало уверенности в себе, и я чувствовал себя жалким отщепенцем. Я умолял отца разрешить мне уйти из колледжа или хотя бы взять годовой отпуск. Мне хотелось уехать в Бостон, где бы я мог больше узнать о жизни и о женщинах. Он даже слушать об этом не хотел.

— Как я смогу готовить учеников к поступлению в колледж, если мой собственный сын не хочет в нем учиться? — спрашивал он.

Я пришел к пониманию, что жизнь есть набор случайных обстоятельств. То, как мы на них реагируем, как мы проявляем свою так называемую свободную волю, — это и есть наша сущность. Выбор, который мы делаем на поворотах судьбы, и определяет, что мы собой представляем. В Миддлбери произошли две случайные встречи, определившие мою судьбу. Одна — с иранцем, сыном генерала, личным советником шаха. Другая — с красивой молодой женщиной по имени Энн. Иранец, я буду называть его Фархадом, ранее был профессиональным футболистом в Риме. Природа наградила его атлетической статью, черными выющиеся волосами, карими глазами с мягким взглядом. Все это в совокупности с его прошлым и особой харизмой производило неотразимое впечатление на женщин. Во многом он был моей противоположностью. Мне пришлось потрудиться, чтобы завоевать его дружбу. Он научил меня многим вещам, которые впоследствии мне пригодились. Кроме того, я познакомился с Энн. И хотя у нее был молодой человек из другого колледжа, она взяла меня под свое крыло. Наши платонические отношения стали моей первой настоящей любовью.

Общаясь с Фархадом, я начал выпивать, ходить на вечеринки, перестал слушаться родителей. Я сознательно забросил учебу, решив сломать свою «академическую ногу», чтобы отомстить отцу. Оценки ухудшились, меня лишили стипендии. После полутора лет обучения я решил бросить колледж. Отец грозил отречься от меня, Фархад подзадоривал. Я ворвался в кабинет декана и потребовал, чтобы меня отчислили. Это был поворотный момент в моей жизни.

Мы с Фархадом отмечали мой уход из колледжа в местном баре. Пьяный фермер, огромный мужик, решив, что я флиртую с его женой, поднял меня в воздух и швырнул о стену. Фархад бросился на помощь и, выхватив нож, полоснул фермера по щеке. Затем он потащил меня к окну и выпихнул на карниз, высоко нависший над заливом

Выдр. Мы оба спрыгнули на землю и, пробравшись берегом реки, вернулись в общежитие. На следующее утро, когда меня допрашивал полицейский, я наврал, что ничего не знаю о случившемся. Тем не менее Фархада исключили. Мы оба переехали в Бостон, где вместе сняли квартиру. Я нашел работу персонального помощника главного редактора в Record American/S unday Advertiser.

В том же 1965 году нескольких моих коллег по газете призвали в армию. Для того чтобы не попасть под призыв, я поступил в Бостонский университетский колледж делового администрирования. К тому времени Энн уже порвала со своим парнем и теперь часто приезжала ко мне из Миддлбери. Мне было приятно ее внимание. Она окончила колледж в 1967 году, мне же еще оставалось год учиться. Энн категорически отказалась переезжать ко мне до того, как мы поженимся. Хотя я и шутил, что меня шантажируют, действительно обижаясь на подобное, на мой взгляд, устаревшее ханжеское отношение, которое напоминало моральные принципы моих родителей, мне нравилось

быть с ней вместе и хотелось большего. Мы поженились.

Отец Энн, прекрасный инженер, в свое время изобрел навигационную систему для важного класса ракет, за что получил высокую должность в военно-морском департаменте. Его лучший друг, которого Энн называла дядей Фрэнком (это вымышленное имя), занимал руководящий пост в высших эшелонах Управления национальной безопасности (УНБ), самой малоизвестной — и, по моим оценкам, самой крупной — шпионской организации в стране.

Вскоре после нашей женитьбы меня как лицо призывного возраста вызвали на медосмотр. Я был признан годным для армейской службы. Передо мной встало перспектива Вьетнама по окончании университета. Сама мысль о том, что придется сражаться в Юго-Восточной Азии, казалась ужасной, хотя война всегда была притягательна для меня. Я воспитывался на рассказах о своих предках — колонизаторах, среди которых были Томас Пейн и Этан Аллен. В Новой Англии и северной части штата Нью-Йорк я прошел по местам сражений всех войн: войны с индейцами и Войны за независимость. Я прочел все исторические романы, которые смог найти. Когда специальные подразделения американской армии только вошли в Юго-Восточную Азию, я мечтал о том, чтобы меня призвали. Но по мере того как средства массовой информации рассказывали о грубых промахах и непоследовательности американской политики, мое отношение к войне менялось. Я задавал себе вопрос: на чьей стороне был бы Пейн? Уверен, что он присоединился бы к нашим врагам — вьетконговцам.

На помощь пришел дядя Фрэнк. Он сообщил мне, что работа в УНБ дает право на отсрочку от армии, и организовал несколько собеседований в своем управлении, включая целый день изнурительных тестов на полиграфе. Мне сообщили, что все эти собеседования и тесты помогут определить мою пригодность для работы в УНБ и выявить мои сильные и слабые стороны, чтобы подобрать наиболее подходящую работу. Учитывая мое отношение к Вьетнамской войне, я был убежден, что провалю эти тесты.

В ходе собеседований я, будучи лояльным гражданином США, высказался против войны и был поражен тем, что мои экзаменаторы не стали углубляться в эту тему. Вместо этого они сосредоточились на моем воспитании, моем отношении к родителям, моих чувствах бедного пуританина, выросшего среди обеспеченных одноклассников, которые вкушали все радости жизни. Они подробно расспрашивали меня о моих переживаниях, вызванных отсутствием сексуальных отношений с женщинами и денег, а также о фантазиях, которые они порождали. Меня поразило внимание, с которым они отнеслись к моим отношениям с Фархадом, особенно к эпизоду в баре с полицейскими, которым я не выдал его.

Поначалу я думал, что все эти вещи, на мой взгляд, говорившие о моих недостатках, не позволят принять меня в УНБ. Но собеседования продолжались, а это свидетельствовало об обратном. Только через несколько лет я понял, что для УНБ мои недостатки были, скорее, достоинствами. Свои оценки они основывали не на моей преданности стране, а на неудовлетворенности, которую вызывали во мне различные жизненные обстоятельства. Злость на родителей, одержимость женщинами, стремление к хорошей жизни оказались тем крючком, на который меня можно было подцепить. Мое желание быть первым в учебе и спорте, мой бунт против отца, мое умение ладить с иностранцами, моя готовность лгать полиции — это было как раз то, что они искали. Позднее я узнал, что отец Фархада сотрудничал с разведкой США в Иране; соответственно, моя дружба с ним была со всей

определенностью записана мне в плюс.

Через несколько недель после тестирования в УНБ мне предложили обучаться искусству шпионажа. Занятия должны были начаться спустя несколько месяцев после окончания Бостонского университета. Однако прежде чем официально принять это предложение, я, повинуясь внутреннему порыву, посетил семинар, который проводил в университете рекрутер Корпуса мира. Самым привлекательным моментом было то, что работа в Корпусе мира, как и в УНБ, давала право на отсрочку от армии.

Решение посетить этот семинар, казалось бы, совсем случайное, сыграло важную роль в моей судьбе. Рекрутер рассказал о нескольких районах на земном шаре, где особенно остро требовалась помощь добровольцев. Одним из таких мест были ливневые леса Амазонки, где, по его словам, население вело примерно такой же образ жизни, как коренные жители Северной Америки до появления европейцев. Я всегда мечтал пожить, как аборигены, населявшие Нью-Гэмпшир в те времена, когда там впервые появились мои предки. Я знал, что в моих жилах течет и кровь аборигенов. Мне хотелось изучить законы леса, которые так хорошо понимали мои предки. После выступления рекрутера я подошел к нему и поинтересовался возможностью получения назначения на Амазонку. Он говорил, что в этом регионе потребность в добровольцах значительна, поэтому у меня есть великолепные шансы туда попасть. Я позвонил дяде Фрэнку.

К моему удивлению, дядя Фрэнк с одобрением отнесся к моей идеи насчет Корпуса мира. Он признался мне, что после падения Ханоя, а в те дни люди его ранга уже не сомневались в этом, Амазонка станет горячим местечком.

— Место напичкано нефтью, — сказал он. — Нам понадобятся там хорошие агенты — люди, умеющие общаться с местными.

Он считал, что Корпус мира станет для меня великолепной школой, настоятельно рекомендуя хорошо изучить испанский язык, а также местные диалекты.

— Возможно, — усмехнулся он, — в конечном итоге ты окажешься в частной фирме, а не на государственной службе.

Тогда я не понял, что он имел в виду. Меня переводили из категории шпионов в ЭУ, хотя в то время я не знал этого термина, о котором услышал только через несколько лет. Я не представлял себе, что сотни людей, мужчин и женщин, во всем мире работают на консалтинговые компании, фирмы и другие частные организации. Эти люди никогда не получали ни пенни от государства и тем не менее служили интересам империи. Не мог я представить себе и того, что количество людей, занимающих еще более благозвучные должности, будет исчисляться тысячами к началу XXI века, а я сыграю значительную роль в формировании этой растущей армии.

Мы с Энн написали заявления о приеме на работу в Корпус мира, попросив направить нас в бассейн Амазонки. Когда мы получили уведомление о приеме на работу, нашему разочарованию не было предела. В письме говорилось, что мы будем работать в Эквадоре.

О нет, подумал я. Я же хотел на Амазонку, а не в Африку. Я стал искать Эквадор в атласе. К моему удивлению, на Африканском континенте его не было, но в указателе я обнаружил, что Эквадор действительно находится в Латинской Америке. На карте было видно, что истоки могучей Амазонки берут свое начало в андских ледниках на территории Эквадора. Далее я узнал, что джунгли Эквадора — самые обширные и труднопроходимые в мире, а местные жители ведут сегодня такой же образ

жизни, как и их предки тысячелетия назад. Мы приняли это назначение.

Окончив курсы Корпуса мира в Южной Калифорнии, мы в сентябре 1968 года направились в Эквадор и оказались среди людей, которые действительно жили так, как коренное население Северной Америки до колонизации. В Андах мы работали с потомками инков. Я никогда не думал, что подобные места еще сохранились. Ведь до этого единственными латиноамериканцами, с которыми мне доводилось общаться, были состоятельные ученики в школе, где преподавал отец. Мне понравились туземцы, жившие охотой и земледелием. Я ощущал странное родство с ними. Каким-то образом они напоминали мне друзей-бедняков из городка моего детства.

Однажды на взлетно-посадочной полосе нашей общине появился человек в деловом костюме, Эйнар Грив. Он был вице-президентом Chas.T. Main, Inc. (MAIN), международной консалтинговой фирмы. Эта организация, предпочитавшая оставаться в тени, изучала целесообразность выдачи Всемирным банком миллиардного кредита Эквадору и его соседям на строительство гидроэлектростанций и других объектов инфраструктуры. Эйнар, к тому же, был еще и полковником запаса армии США. Он начал вести со мной разговоры о преимуществах работы в такой организации, как MAIN. Когда я упомянул, что до вступления в Корпус мира меня приняли в УНБ, поэтому мне предстоит вернуться к ним, он сообщил мне, что иногда выступает как их посредник. Он посмотрел на меня так, как будто оценивал мои возможности. Теперь я понимаю: он занимался обновлением моего досье; особенно его интересовала моя способность к выживанию в условиях, которые большинству жителей Северной Америки показались бы враждебными.

Пару дней мы вместе провели в Эквадоре, а потом поддерживали связь по почте. Он попросил готовить для него отчеты с оценкой экономических перспектив Эквадора. У меня с собой была портативная пишущая машинка, я любил печатать и с удовольствием выполнял его просьбу. За год я послал ему по меньшей мере пятнадцать подробных писем, в которых высказывал свое мнение о политическом и экономическом будущем Эквадора, а также оценивал растущее недовольство туземцев, их попытки противостоять нефтяным компаниям, международным агентствам по развитию и прочим организациям, пытающимся приобщить их к цивилизации.

Когда моя миссия по линии Корпуса мира была выполнена, Эйнар пригласил меня на собеседование в штаб-квартиру MAIN в Бостоне. В беседе он подчеркнул, что основным бизнесом MAIN была инженерия, но крупнейший клиент MAIN, Всемирный банк, недавно потребовал, чтобы они взяли в штат экономистов для составления экономических прогнозов выполнимости и определения важности инженерных проектов. Эйнар посетовал, что нанял трех экономистов очень высокой квалификации с безупречными дипломами: двух — со степенью магистра и одного доктора наук. Они все провалились самым жалким образом.

— Никто из них, — сказал Эйнар, — не в состоянии сделать экономический прогноз по странам, где нет надежной статистики.

Он рассказал мне, что их также не устроили условия контракта, по которому им предстояло выезжать в такие отдаленные страны, как Эквадор, Индонезия, Иран и Египет, чтобы интервьюировать местных руководителей и самим оценивать перспективы экономического развития в этих регионах. С одним случился нервный срыв в отдаленной панамской деревне; панамские полицейские сопроводили его в аэропорт и отправили обратно в Штаты.

— Твои письма свидетельствуют о том, что ты в состоянии работать даже при отсутствии доступа к

достоверным данным. А учитывая условия, в которых тебе довелось существовать в Эквадоре, ты, я уверен, сможешь выжить почти везде.

Он сказал, что уже уволил одного экономиста и готов поступить таким же образом с остальными, если я соглашусь на эту работу.

Вот так и получилось, что в январе 1971 года мне предложили должность экономиста в MAIN. Мне исполнилось двадцать шесть — чудесный возраст, когда становишься неинтересным для призывной комиссии. Я посоветовался с семьей Энн. Они поддержали меня в выборе работы. Думаю, в этом сыграло свою роль и мнение дяди Фрэнка. Я вспомнил, что он говорил о моей возможной работе в частной фирме. Об этом никогда не упоминалось, но у меня нет никаких сомнений, что получению должности в MAIN я был обязан не только своему опыту работы в Эквадоре и желанию писать об экономической и политической ситуации в этой стране, но и усилиям дяди Френка, предпринятым им тремя годами раньше.

Голова у меня кружилась еще несколько недель: я очень гордился собой, поскольку моя степень бакалавра Бостонского университета вовсе не гарантировала должность экономиста в такой солидной консалтинговой компании. Я знал, что многие мои университетские сокурсники, избежавшие армии и вернувшиеся в университет для продолжения образования и получения степени магистра, изойдут завистью. Я уже видел себя лихим секретным агентом в экзотической стране, развалившимся в шезлонге у бассейна в отеле с бокалом мартини в руке в окружении шикарных женщин в бикини.

Хотя это были всего лишь фантазии, я вскоре понял, что в них была доля правды. Эйнар нанимал меня экономистом, но очень скоро мне предстояло узнать, что моя настоящая работа выходила далеко за рамки этой должности и на самом деле была гораздо ближе тому, чем занимался Джеймс Бонд, нежели я мог себе представить.

Глава 3

На всю жизнь

MAIN, выражаясь юридическим языком, была «корпорацией закрытого типа»: компанией владели около пяти процентов сотрудников из двух тысяч. Их называли «партнерами», или «компаньонами», и занять это положение хотели бы многие. Эти люди не только стояли на верху иерархической лестницы, но и делали немалые деньги. Партнеров отличало умение молчать. Они общались с главами государств, с генеральными директорами корпораций, то есть с людьми, которые ожидают от своих консультантов, например адвокатов и психотерапевтов, строжайшей конфиденциальности. Любые контакты с прессой запрещены. Они вообще не допускались. Поэтому понятно, что о нас мало кто знал, кроме самих сотрудников MAIN, хотя имена наших конкурентов были на слуху: Arthur D. Little, Stone&Webster, Brown&Root, Halliburton и Bechtel.

Я говорю «конкуренты» условно, поскольку MAIN уникальна в своем роде. Большинство наших сотрудников были инженерами, при этом фирма не владела никаким оборудованием и не построила даже складского барака. Многие пришли из вооруженных сил, тем не менее мы никогда не заключали контракты с министерством обороны или с другими военными ведомствами. То, чем мы торговали, было настолько своеобразно, что первые несколько месяцев я не мог понять, чем мы вообще занимаемся. Я знал только, что мое первое настоящее задание будет связано с Индонезией, куда мне предстоит поехать в составе группы из одиннадцати человек для разработки генерального

плана развития энергетики на острове Ява.

Я заметил, как Эйнар и другие сотрудники, обсуждавшие со мной мою работу, стремились убедить меня в том, что экономика Явы будет процветать, а если я хочу зарекомендовать себя хорошим прогнозистом (и, следовательно, продвигаться по служебной лестнице), мне следует в своих перспективных оценках делать соответствующие выводы.

— Вздохает так, что места на графике не хватит! — любил повторять Эйнар. Он рубил рукой воздух над головой, изображая взлетающий самолет. — Экономика, которая взлетит, как птица!

Эйнар часто уезжал в небольшие командировки на два-три дня. О них не распространялись; похоже, никто и не знал, куда он ездил. Бывая на работе, он часто приглашал меня к себе в кабинет на кофе. Расспрашивал об Энн, о нашей новой квартире, о кошке, которую мы привезли из Эквадора. По мере сближения с ним я становился смелее, пытаясь узнать больше и о нем, и о своей новой работе. Но я никогда не получал вразумительных ответов. Он всегда мастерски уклонялся. Как-то во время одной из таких бесед он посмотрел на меня по-особому.

— Тебе не следует беспокоиться, — сказал он. — Мы многое ожидаем от тебя. Я недавно был в Вашингтоне... — Голос его стал глуше, и он почему-то улыбнулся. — Не важно. Ты знаешь, у нас сейчас большой проект в Кувейте. До поездки в Индонезию у тебя остается время. Мне кажется, имеет смысл потратить его на чтение кое-какой литературы о Кувейте. Очень много материала в Публичной библиотеке Бостона (ПББ), кроме того, мы можем организовать тебе пропуск в библиотеки Массачусетского технологического института и Гарвардского университета.

В результате я стал проводить много часов в этих библиотеках, особенно в Публичной библиотеке Бостона, которая находилась в нескольких кварталах от офиса и рядом с нашим домом в Бэк-Бэй. Я много узнал о Кувейте, прочитал массу книг по экономической статистике, изданных ООН, Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком. Я знал, что мне придется разрабатывать эконометрические модели для Индонезии и Явы, и решил, что для начала надо попробовать сделать такую модель для Кувейта.

Однако для этого моей квалификации бакалавра делового администрирования было недостаточно, и мне пришлось потратить немало времени на восполнение этого пробела. Я даже записался на несколько курсов по эконометрике. В процессе обучения я обнаружил, что, манипулируя статистическими данными, можно доказать очень многие положения, включая и те, которые удобны самому аналитику.

MAIN была мужской фирмой. В 1971 году в основном составе работали только четыре женщины. При этом еще около двухсот трудились в качестве секретарей. Персональный секретарь был у каждого из вице-президентов и управляющих департаментами; остальных обслуживала группа стенографисток. Я уже привык к этому перекосу по половому признаку, и поэтому то, что произошло в справочном отделе ПББ, меня сильно удивило.

За столом напротив меня оказалась привлекательная элегантная брюнетка в строгом темно-зеленом костюме. Она выглядела на несколько лет старше меня. Я пытался не замечать ее, сосредоточившись на своем. Через несколько минут, не говоря ни слова, она подтолкнула в мою сторону книгу, раскрытую на той странице, где была как раз информация о Кувейте, которую я искал. В книгу была вложена визитка, на которой значилось: «Клодин Мартин, специальный консультант, Chas.T. Main, Inc.».

Я взглянул в ее мягкие зеленые глаза, и она протянула мне руку.

— Меня попросили помочь вам с обучением, — сказала она.

Я не мог поверить, что это происходит со мной. Начиная со следующего дня мы стали встречаться в ее квартире на Бикон-стрит, в нескольких кварталах от комплекса зданий Prudential Center. Во время первой же встречи она объяснила, что я занимаю необычную должность, и что наше общение с ней исключительно конфиденциально. Она сообщила, что мне не объясняли суть моей работы потому, что никто не был на это уполномочен — никто, кроме нее. Затем она сообщила мне, что ее задача — сделать из меня «экономического убийцу».

Это словосочетание напомнило мои детские мечты о жизни, полной приключений. Мне стало неловко от вырвавшегося смущенного смешка. Улыбнувшись, она заверила меня, что именно юмор определил выбор этого термина.

— Ну кто воспримет это всерьез? — сказала она.

Я признался в полном невежестве относительно роли экономического убийцы.

— Не вы один, — засмеялась она. — Мы относимся к редкой породе людей и работаем в грязном бизнесе. Никто не должен знать о вашей работе, даже жена. — Она стала серьезной. — Я буду с вами совершенно откровенна. В течение нескольких недель я постараюсь научить вас всему, чему смогу. После этого вам придется сделать выбор. Он будет окончательным. Если вы принимаете решение этим заниматься, вы будете заниматься этим всю жизнь.

Впоследствии она редко употребляла словосочетание «экономический убийца», мы стали просто ЭУ. Сейчас я знаю то, чего не знал тогда. Клодин воспользовалась преимуществами, которые давало ей знание моих слабых сторон, почертнutoе из моего досье УНБ. Не знаю, кто предоставил ей эту информацию — Эйнар, УНБ или отдел кадров MAIN, но использовала она ее мастерски. Ее подход — сочетание физического обольщения и верbalного манипулирования — был разработан специально для меня и при этом вполне вписывался в стандартные методы работы, которые, как мне много раз впоследствии доводилось наблюдать, используются фирмами при необходимости срочно завершить выгодную сделку, когда ставки высоки. Она знала с самого начала, что я не поставлю под угрозу свою семейную жизнь, рассказав о нашей тайной деятельности. И она была убийственно откровенна в описаниях теневых сторон моей будущей работы.

Я не знаю, кто платил ей зарплату, хотя у меня нет никаких оснований подозревать, что это не была MAIN, о чём, собственно, и говорила ее визитка. В то время я был слишком наивен, запуган и ослеплен, чтобы задавать вопросы, которые сегодня мне кажутся столь очевидными.

Клодин рассказала, что передо мной ставятся две основные задачи. Во-первых, мне придется обосновывать огромные иностранные займы, с помощью которых деньги будут направляться обратно в MAIN и другие компании США (такие, как Bechtel, Halliburton, Stone&Webster и Brown&Root) через крупные инженерные и строительные проекты.

Во-вторых, моя деятельность будет направлена на банкротство стран-заемщиков (конечно, после того, как они расплатятся с MAIN и другими американскими подрядчиками), чтобы поставить их в вечную зависимость от своих кредиторов. Это поможет с легкостью добиться, когда это потребуется, соответствующих уступок, например размещения военных баз, нужного голосования в ООН, доступа к нефти и другим природным ресурсам.

Моя работа, по ее словам, будет состоять в прогнозировании последствий инвестирования

миллиардов долларов в ту или иную страну. В частности, придется производить расчеты, которые показывают экономический рост в ближайшие 20–25 лет и оценивают влияние нескольких проектов. Например, если выносится решение дать какой-то стране заем в миллиард долларов, чтобы убедить ее правителей не следовать курсом Советского Союза, моя задача — сравнить выгоду от инвестирования этих средств в предприятия энергетики с выгодой от инвестирования в развитие железнодорожного транспорта или телекоммуникационных систем. Или мне нужно будет продемонстрировать некой стране, как предлагаемый ей заем на модернизацию энергосистемы повлияет на ее экономический рост.

В любом случае важнейшим показателем является валовой национальный продукт (ВНП).

Выигрывает тот проект, который больше остальных влияет на рост ВНП. Если рассматривается только один проект, мне надо будет показать, что его разработка самым положительным образом скажется на росте ВНП.

О чем умалчивалось, так это о том, что каждый из этих проектов должен был принести солидные прибыли подрядчикам и осчастливить несколько состоятельных и влиятельных семей в соответствующих странах, тогда как правительства стран-заемщиков попадали в долгосрочную финансовую зависимость, которая, соответственно, была залогом их политического послушания. Чем больше будет заем, тем лучше. Тот факт, что долговое бремя страны лишает ее беднейшее население здравоохранения, образования и других социальных услуг на многие десятилетия, не принимается во внимание.

Мы с Клодин открыто обсуждали обманчивую природу такого показателя, как ВНП. Например, ВНП растет, даже если прибыль получает только один человек, допустим, владелец электростанции, и при этом большая часть населения страны отягощена долгом. Таким образом, богатые богатеют, а бедные беднеют. А с точки зрения статистики, это регистрируется как экономический прогресс. Как и значительная часть граждан США, большинство сотрудников MAIN считали, что мы действуем во благо, сооружая предприятия энергетики, дорожные магистрали, порты. Наша школа и наши СМИ научили нас воспринимать все свои действия как альтруистические. В течение многих лет я постоянно слышу подобные высказывания: «Если они сжигают флаг США и устраивают демонстрации напротив нашего посольства, почему бы нам не убраться из их проклятой страны, и пусть они барахтаются в своей грязи».

Зачастую это говорят люди, имеющие дипломы о высшем образовании. Тем не менее они не представляют, что основная цель, с которой мы размещаем свои посольства во всем мире, — обслуживать наши собственные интересы, которые в течение второй половины XX века предполагали превращение американской республики в глобальную империю. Несмотря на свои дипломы, эти люди так же необразованы, как те колонисты XVIII века, которые считали, что индейцы, сражавшиеся за свои земли, — слуги дьявола.

Через несколько месяцев мне предстояло уехать на остров Ява в Индонезию, который в то время считался одним из самых густонаселенных на планете. Кроме того, Индонезия была богатой нефтью мусульманской страной и потенциальным объектом коммунистической экспансии.

— Это следующая костяшка домино после Вьетнама, — именно так выразилась Клодин. — Нам нужно перехватить индонезийцев. Если они примкнут к коммунистическому блоку, тогда... — Она провела пальцем по шее и сладко улыбнулась. — Скажем так: тебе нужно составить исключительно

оптимистичный прогноз развития экономики, продемонстрировать, как она вырвется вперед после ввода в строй всех энергетических предприятий и магистральных линий электропередачи. Это поможет Агентству США по международному развитию и международным банкам обосновать займы. Конечно, ты получишь хорошее вознаграждение и сможешь перейти к другим проектам в экзотических местах. Твоя тележка для покупок — весь мир.

Она предупреждала меня, что мне предстоит нелегкая роль.

— После тебя в дело вступят эксперты из банков. Их работа заключается в том, чтобы раскритиковать твои прогнозы, — за это они получают деньги. Выставить тебя в дурном свете означает для них предстать в хорошем.

Как-то я напомнил Клодин, что MAIN посыпает на Яву, помимо меня, еще десять человек, и спросил, прошли ли они такое же обучение, как и я. Она уверила меня, что нет.

— Они инженеры, — сказала она. — Они проектируют электростанции, линии электропередачи и электромагистрали, морские порты и дороги для ввоза топлива. Ты единственный, кто предсказывает будущее. Твои прогнозы определяют масштабы систем, которые они разрабатывают, и величину займов. Так что ты ключевая персона.

Каждый раз, покидая квартиру Клодин, я задумывался, правильными ли вещами я занимаюсь. Где-то в глубине души я подозревал, что нет. Но разочарования прошлого неотступно преследовали меня. MAIN, казалось бы, предлагала мне все, чего не хватало в моей жизни, и тем не менее я продолжал спрашивать себя: а одобрил бы это Том Пейн? В конце концов я убедил себя, что впоследствии, узнав больше, испытав все на практике, я смогу лучше разоблачать это — старое оправдание по принципу «работаю изнутри».

Клодин взглянула на меня озадаченно, когда я поделился с ней этими мыслями.

— Не будь смешным. Если ты уже вошел, ты никогда не сможешь выйти. Ты должен решить все для себя сейчас, пока не залез глубже.

Я понял, и ее слова меня испугали. Выйдя от нее, я прошелся по Коммонуэлт-авеню, свернул на Дартмут-стрит — и уверил себя в том, что стану исключением. Несколько месяцев спустя мы сидели с ней на диване, из окна наблюдая за снегопадом на Бикон-стрит.

— Мы маленький эксклюзивный клуб, — сказала она. — Нам платят, и хорошо платят, за то, что мы обманным путем уводим из разных стран мира миллиарды долларов. Значительная часть твоей работы — побуждать руководителей разных стран мира всемерно способствовать продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце концов, эти руководители оказываются в долговой яме, которая и обеспечивает их лояльность. При необходимости мы сможем использовать их в своих политических, экономических или военных целях. В свою очередь, они укрепляют собственное политическое положение, поскольку обеспечивают своему народу технопарки, электростанции и аэропорты. А тем временем владельцы инженерных и строительных компаний США становятся сказочно богатыми.

В тот день, в идиллической обстановке квартиры Клодин, лениво наблюдая за кружасшимися снежными хлопьями за окном, я познакомился с историей профессии, которой собирался заняться. Клодин рассказала, что веками империи создавались с помощью военной силы или угрозы ее применения. Однако после окончания Второй мировой войны и появления на международной арене Советского Союза, после того как замаячил призрак ядерного Холокоста, силовые решения стали

слишком рискованными.

Решающий момент наступил в 1951 году, когда Иран восстал против британской нефтяной компании, эксплуатировавшей и природные ресурсы Ирана, и его народ. Эта компания была предшественницей British Petroleum, сегодняшней BP. Тогда очень популярный, демократически избранный иранский премьер-министр Мохаммед Моссадык (журнал Time назвал его человеком года в 1951 году) национализировал всю нефтяную промышленность страны. Разъяренные англичане обратились за помощью к США, своему союзнику во Второй мировой войне. Однако оба государства опасались, что военные репрессии спровоцируют Советский Союз на поддержку Ирана. И тогда вместо морских пехотинцев Вашингтон послал в Иран агента ЦРУ Кермита Рузвельта (внука Теодора). Он великолепно выполнил свою задачу, расположив к себе людей — как взятками, так и угрозами. Затем с его подачи они организовали уличные беспорядки и демонстрации, которые создавали впечатление, что Моссадык был непопулярным и неподходящим лидером. В конечном итоге Моссадык был побежден. Остаток жизни он провел под домашним арестом. Проамерикански настроенный шах Мохаммед Реза стал полновластным диктатором. Кермит Рузвельт положил начало новой профессии, той самой, которой я собирался посвятить жизнь.

Гамбит, разыгранный Рузвельтом, изменил ближневосточную историю и при этом вывел из употребления все старые стратегии построения империй. Он также совпал с началом экспериментов в «ограниченных неядерных военных действиях», которые в конечном итоге закончились унижением США в Корее и Вьетнаме.

К 1968 году, когда я проходил собеседования в УНБ, стало ясно, что для осуществления своей мечты о глобальной империи (как это виделось таким людям, как президенты Джонсон и Никсон) США придется взять на вооружение стратегии, основанные на опыте Рузвельта в Иране. Это был единственный путь победить Советы без ядерной угрозы.

Однако существовала одна проблема. Кермит Рузвельт был сотрудником ЦРУ. Если бы его поймали, последствия были бы ужасны. Он организовал первую операцию США по смене правительства другой страны; ясно было, что за ней последуют другие. Важно было найти подход, при котором Вашингтон не был бы задействован напрямую.

К счастью, в 1960-е годы произошли и другие революционные изменения: усиление многонациональных корпораций и таких международных организаций, как Всемирный банк и Международный валютный фонд, которые финансировались преимущественно Соединенными Штатами и нашими партнерами по созданию империи в Европе. Между правительствами, корпорациями и многонациональными организациями возник симбиоз.

Ко времени моего поступления в Школу бизнеса Бостонского университета решение проблемы «Рузвельт — агент ЦРУ» было найдено. Американские разведывательные организации, включая УНБ, подбирали потенциальных ЭУ, которые потом входили в штат международных корпораций. Они никогда не состояли на содержании у правительства, получая деньги в частном секторе.

Поэтому, если бы их поймали, их грязные делишки списали бы на корпоративную жадность, но никак не на политику правительства. Кроме того, нанимавшие их корпорации, хотя и получали деньги налогоплательщиков от правительственные организаций и их многонациональных банковских партнеров, находились вне зоны контроля конгресса и пристального внимания общественности. Их защищает все возрастающее количество правовых инициатив, включая

законодательство о торговой марке, международной торговле и свободе информации.

— Так что, как видишь, — заключила Клодин, — мы лишь очередное поколение, часть гордой традиции, заложенной еще тогда, когда ты учился в первом классе.

Глава 4

Индонезия: уроки для ЭУ

Помимо освоения своей новой специальности, я проводил много времени, изучая литературу по Индонезии.

— Чем больше ты узнаешь о стране до своего приезда туда, тем легче тебе будет работать, — советовала Клодин.

Я очень серьезно отнесся к ее словам.

Когда Колумб в 1492 году отправился в плавание, он собирался достичь Индонезии, известной в ту пору как Пряные острова. В колониальную эпоху Индонезия считалась сокровищем более ценным, чем Америка. Ява с ее тканями, легендарными специями, процветающими королевствами была одновременно и жемчужиной в короне, и причиной яростных столкновений между испанскими, голландскими, португальскими и британскими искателями приключений.

В 1750 году Нидерланды победили, но им, хотя они и контролировали Яву, потребовалось еще более 150 лет, чтобы подчинить окружающие острова.

Когда во время Второй мировой войны в Индонезию вторглись японцы, голландцы практически не оказали им сопротивления. В результате индонезийцы, особенно жители Явы, очень сильно пострадали. Когда Япония капитулировала, харизматичный руководитель Явы Сукарно провозгласил независимость. После четырех лет борьбы, 27 декабря 1949 года, Голландия приспустила свой флаг и возвратила суверенитет людям, которые на протяжении трех веков боролись с ее владычеством. Сукарно стал первым президентом новой республики.

Однако управлять Индонезией оказалось сложнее, чем победить голландцев. Архипелаг, состоящий из более чем 17500 островов, представлял собой кипящий котел — межплеменные распри, различные культуры, десятки языков и диалектов, этнические группы, раздираемые вековой враждой. Частые и ожесточенные конфликты вынудили Сукарно зажать страну в тиски. В 1960 году он распустил парламент, а в 1963-м стал пожизненным президентом. Сукарно тесно сотрудничал с коммунистическими правительствами разных стран в обмен на военную технику и помочь в подготовке кадров. Он послал свои войска, вооруженные советским оружием, в соседнюю Малайзию, чтобы содействовать распространению коммунистических идей по всей Юго-Восточной Азии и завоевать одобрение руководителей социалистических стран.

Но в его собственной стране ширилась оппозиция, и в 1965 году произошел переворот. Сукарно избежал гибели только благодаря сообразительности своей любовницы. Многие из высокопоставленных военных и его ближайших соратников оказались менее удачливыми. События напоминали то, что случилось в Иране в 1953 году. В конце концов, ответственность за все возложили на коммунистическую партию, прежде всего, на то ее крыло, которое было ориентировано на Китай. Затем последовала организованная военными резня, были убиты по разным данным от 300 до 500 тысяч человек. В 1968 году президентом стал генерал Сухарто.

К 1971 году укрепилось намерение США изменить прокоммунистическую ориентацию Индонезии, так как исход Вьетнамской войны становился все менее предсказуемым. Летом 1969 года президент

Никсон начал частичный вывод войск из Вьетнама. Стратегия США перестраивалась с учетом глобальной перспективы. Теперь стратегическая задача состояла в недопущении эффекта домино, когда страны одна за другой стали бы примыкать к коммунистическому лагерю. Внимание сосредоточилось на нескольких государствах, Индонезии отводилась ключевая роль. Проект электрификации MAIN был частью всеобъемлющего плана установления американского влияния в Юго-Восточной Азии.

Американские внешнеполитические силы предполагали, что Сухарто сыграет для США ту же роль, что и шах Ирана. Кроме того, они надеялись, что Индонезия станет примером для других стран региона. Вашингтон частично основывал свою стратегию на предположении, что успех в Индонезии положительно скажется на всем исламском мире, в частности на взрывоопасном Ближнем Востоке. К тому же, помимо всего прочего, в Индонезии была нефть. Никто не знал размера ее запасов и качества, но эксперты нефтяных компаний предполагали, что там имеются богатейшие залежи. По мере погружения в тему в Бостонской публичной библиотеке, мое возбуждение нарастало. Я стал представлять себе будущие приключения. Работа в MAIN позволила мне сменить суровый образ жизни во время службы в Корпусе мира на более приятный и даже роскошный. Общение с Клодин уже было реализацией некоторых моих фантазий. Все складывалось слишком хорошо. Моя теперешняя жизнь частично компенсировала годы заключения в школе для мальчиков.

И еще кое-что происходило: у нас с Энн не складывались отношения. Наверное, она чувствовала, что я веду двойную жизнь. Я объяснял это, прежде всего, своей обидой на то, что она вынудила меня жениться. Не важно, что она нянчилась со мной в нелегкие дни нашей работы в Эквадоре: я все еще воспринимал ее как воплощение моего подчинения родительской воле. Конечно, сейчас, с высоты прожитых лет, я понимаю, что все дело было в наших отношениях с Клодин. Я не мог рассказать Энн о них, но она все чувствовала. Так или иначе, мы решили разъехаться.

Однажды в 1971 году, примерно за неделю до моего отъезда в Индонезию, прияя к Клодин, я увидел накрытый стол: сыры, хлеб и бутылка «Божоле»[7]. Она подняла бокал.

— Свершилось. Ты смог! — Она улыбнулась, но как-то не вполне искренне. — Теперь ты один из нас.

Мы немного поболтали. Потом она взглянула на меня так, как никогда раньше не смотрела.

— Не говори никому о наших встречах, — сказала она жестко. — Иначе я тебя не прощу никогда. И буду отрицать знакомство с тобой. — Она пристально посмотрела на меня — и это был, наверное, единственный раз, когда я испугался ее, — и затем холодно рассмеялась. — Рассказы о нас могут поставить под угрозу твою жизнь.

Я был ошеломлен. Я чувствовал себя ужасно. Уже позже, возвращаясь от Клодин, я понял, как умно была придумана вся схема. Все наши встречи с ней проходили у нее в квартире. Не существовало никаких доказательств нашего знакомства. Никто из MAIN никоим образом не был вовлечен в наше общение. В чем-то я был благодарен ей за прямоту: она не обманула меня так, как это сделали мои родители, обещавшие райскую жизнь после обучения в Тилтоне и Миддлбери.

Глава 5

Спасение страны от коммунизма

У меня было романтическое представление об Индонезии — стране, в которой мне предстояло провести следующие три месяца. В некоторых прочитанных мною книгах мне встречались

фотографии красивых женщин в ярких саронгах, экзотических танцовщиц с острова Бали, шаманов, дышащих огнем, воинов, управляющих длинными, выдолбленными из дерева каноэ в изумрудных водах у подножия курящихся вулканов. Особенно впечатляющими были картинки с великолепными галеонами под черными парусами. Они принадлежали пользующимся дурной славой пиратам-бугинезам, которые все еще обитали в морях архипелага и когда-то терроризировали европейских моряков, так что те, возвращаясь домой, пугали ими своих детей: «Веди себя хорошо, а не то бугинез придет». Боже, как эти картинки волновали мое воображение!

История и легенды этой страны изобилуют масштабными фигурами: гневные боги, драконы Комodo, вожди племен. Древние сказания, появившись задолго до рождения Христа, совершили путешествие над горами Азии, над пустынями Персии, над Средиземным морем и глубоко укоренились в нашем коллективном сознании. Уже сами названия островов — Ява, Суматра, Борнео, Сулавеси — будоражат ум. Это была страна мистики, мифов, эrotической красоты; ускользающее сокровище, которое искал, но так и не нашел Колумб; принцесса, вожделенная, но не обретенная Испанией, Голландией, Португалией, Японией; земля фантазий и мечты.

Я ожидал слишком многоного, думаю, как и те великие первооткрыватели, которые сюда стремились. Однако, подобно Колумбу, мне следовало бы умерить свою фантазию. Возможно, я уже должен был знать, что путеводная звезда не всегда указывает на тот путь, который рисуется нам в воображении. Индонезия обладала сокровищами, но она не была для меня спасительной микстурой, каковой мне представлялась. На самом деле мои первые дни в душной и влажной столице Индонезии, Джакарте, в конце августа 1971 года были ужасными.

Конечно, было красиво. Эффектные женщины в красочных саронгах[8]. Буйные сады, изобилующие тропическими цветами. Экзотические танцовщицы с острова

Бали. Велорикши с причудливо раскрашенными высокими сиденьями, на которых развалились пассажиры. Голландские дома в колониальном стиле, мечети с башенками. Но у города было и другое, ужасающее своим безобразием лицо. Прокаженные, вытягивающие перед собой кровоточащие культи, изъеденные болезнью. Молоденькие девушки, предлагающие себя за гроши. Когда-то великолепные голландские каналы, превратившиеся в сточные канавы. Приткнувшиеся вдоль замусоренных берегов черных рек картонные лачуги, в которых жили целыми семьями. Ревущие гудки машин, удущливый дым. Прекрасная и безобразная, элегантная и вульгарная, духовная и убогая. Такой была Джакарта, где чарующие ароматы гвоздики и орхидей боролись с миазмами открытых сточных канав.

Я видел нищету и раньше. Многие из моих одноклассников в Нью-Гэмпшире, обитавшие в холодных лачугах из толя, приходили в школу зимой в тонких куртках и поношенных спортивных тапочках. Их немытые тела распространяли запах пота и навоза. Я жил в глиняных лачугах с андскими крестьянами, которые питались только сушеным кукурузой и картошкой, и иногда казалось, что у новорожденного столько же шансов умереть, сколько дожить до ближайшего дня рождения. Я был знаком с нищетой, но это не подготовило меня к тому, что я увидел в Джакарте.

Конечно, наша команда жила в лучшем местном отеле, InterContinental Indonesia, принадлежавшем авиакомпании Pan American Airways. Как и все отели этой сети, разбросанные по всему миру, он отвечал всем прихотям своих состоятельных иностранных постояльцев, в частности сотрудников нефтяных компаний и их семей. В наш первый вечер в Джакарте менеджер проекта Чарли

Иллингворт устроил для нас ужин в элегантном ресторане на крыше отеля.

Чарли был знатоком военной истории; почти все свое свободное время он посвящал чтению книг по истории и исторических романов о великих полководцах и военных сражениях. Он был расхожим образцом прикованного к креслу инвалида — ярого сторонника Вьетнамской войны. В тот вечер, как обычно, на нем были брюки цвета хаки и такого же цвета футболка с погонами, имитирующие военную форму.

Поприветствовав нас, он закурил сигару.

— За хорошую жизнь, — вздохнул он, поднимая бокал с шампанским.

— За хорошую жизнь, — поддержали мы его.

Чарли, весь в клубах сигарного дыма, окинул взглядом комнату.

— Мы встретим здесь прекрасное отношение, — сказал он, одобрительно кивая головой. —

Индонезийцы будут хорошо заботиться о нас, так же как и сотрудники американского посольства. Но давайте не забывать, что мы здесь с важным заданием. — Он посмотрел на стопку карточек перед собой. — Да, мы здесь для того, чтобы разработать план электрификации Явы — одного из самых густонаселенных мест в мире. Но это только верхушка айсберга.

Выражение его лица стало серьезным; сейчас он напоминал Джорджа Скотта в роли генерала Паттона[9], одного из своих любимых героев.

— Мы должны, без преувеличения, спасти эту страну от лап коммунизма. Как вы знаете, у Индонезии долгая и трагическая история. Теперь, готовясь войти в XXI век, страна опять оказалась на пути испытаний. Мы должны сделать так, чтобы она не пошла по стопам своих северных соседей — Вьетнама, Камбоджи и Лаоса. И ключевым моментом здесь является интегрированная система электроснабжения. Именно это, более чем любой другой фактор (возможно, за исключением нефти), обеспечит победу капитализма и демократии. Кстати, о нефти. — Он опять затянулся сигарой и перевернулся несколько карточек перед собой. — Мы все знаем, насколько наша страна зависит от нефти. В этом отношении Индонезия может стать для нас могущественным союзником. Так что, когда вы приступите к разработке генерального плана, пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы нефтяная промышленность и вся инфраструктура — порты, трубопроводы, строительные компании — смогла удовлетворять свои потребности в электроэнергии в период реализации этого 25-летнего плана.

Оторвав взгляд от карточек, он посмотрел прямо на меня.

— Лучше переоценить, чем недооценить. Вы же не хотите, чтобы на ваших руках была кровь индонезийских детей или наша собственная? Вы же не хотите, чтобы они жили под китайским красным флагом?

Той ночью, лежа в своей постели в роскошном номере пятизвездочного отеля, я вспомнил Клодин. Меня преследовали ее рассуждения об иностранном долге. Я пытался успокоить себя, вспоминая лекции по макроэкономике в Школе бизнеса. В конце концов, я находился здесь для того, чтобы помочь Индонезии выйти из Средневековья и занять свое место в современном промышленном мире. Но я знал, что утром, выглянув из окна, за бассейном и цветущими садами отеля увижу нищие лачуги, разбросанные на много миль вокруг; что младенцы будут умирать от недоедания и недостатка питьевой воды, а дети и взрослые страдать от страшных болезней и жить в ужасающих условиях.

Я беспокойно ворочался в постели. Невозможно было отрицать, что Чарли и все остальные члены нашей команды приехали сюда, движимые эгоистическими побуждениями. Мы продвигали внешнюю политику США и защищали корпоративные интересы. Нами руководила, скорее, жадность, чем желание улучшить жизнь местного населения. На ум пришло слово «корпоратократия». Услышал ли я его где-то или изобрел сам, но оно точно подходило для обозначения новой элиты, задумавшей установить господство над всей планетой.

Это было спаянное братство горстки людей, имевших общие цели. Они свободно перемещались с должностей в правлениях корпораций на правительственные посты. Превосходным примером этому был Роберт Макнамара, в то время президент Всемирного банка. Ранее он занимал пост президента Ford Motor Company, во времена правления Кеннеди и Джонсона был министром обороны, а теперь возглавил самую влиятельную финансовую организацию в мире.

Я понял, что профессора в колледже не понимали настоящей природы макроэкономики: во многих случаях помочь в развитии экономики какой-нибудь страны приводит к обогащению нескольких человек на вершине пирамиды и полному обнищанию тех, кто находится внизу. Развитие капитализма часто приводит к возникновению системы, напоминающей средневековое феодальное общество. Даже если мои профессора и понимали это, они бы ни за что в этом не признались, вероятно, потому, что колледжи спонсируются крупными корпорациями и их руководством. Такое откровение стоило бы этим профессорам их должностей, точно так же, как и мое открытие могло стоить мне потери работы.

Эти мысли не давали мне покоя, пока я жил в InterContinental Indonesia. В конце концов, я нашел способ, как защитить себя от них. Он оправдывал лично меня: я вырвался из Нью-Гемпшира, из подготовительной школы, избежал призыва в армию. Благодаря стечению обстоятельств и упорному труду, я заработал себе хорошее место в жизни. Меня также успокаивало сознание того, что я в глазах общества поступал правильно, становясь успешным экономистом. Я делал то, к чему меня готовили в Школе бизнеса. Я помогал воплотить модель развития, одобренную лучшими умами мира.

И тем не менее по ночам я часто утешал себя мыслью, что когда-нибудь расскажу правду. После этого я вгонял себя в сон, читая романы Луиса Ламора о приключениях метких стрелков-ковбоев на Диком Западе.

Глава 6

Продавая душу

Шесть дней мы провели в Джакарте: регистрировались в посольстве США, встречались с различными чиновниками и отдыхали около бассейна. Меня поразило количество американцев, проживавших в InterContinental. Я с удовольствием наблюдал за красивыми молодыми женщинами, женами высокопоставленных сотрудников американских нефтяных и строительных компаний, которые проводили дни около бассейна, а вечера — в шикарных ресторанах недалеко от гостиницы. Затем Чарли перевез нас в расположенный в горах город Бандунг с более мягким климатом, где нищета не так бросалась в глаза, кроме того, там было меньше отвлекающих факторов. Нас поселили в Wisma — правительственном пансионе с обслуживающим персоналом. Построенный в период голландской колонизации, Wisma был райским местом. Его просторная терраса выходила на чайные плантации, покрывавшие холмы и склоны вулканических гор Явы. Кроме того, мы получили в свое

распоряжение одиннадцать внедорожников «Toyota» с водителями и переводчиками. И, наконец, нам предоставили членство в эксклюзивном бандунгском гольф-клубе и офис в местной штаб-квартире Perusahaan Umum Listrik Negara (PLN), государственной электрической компании.

Мои первые дни в Бандунге были заняты встречами с Чарли и Говардом Паркером. Говарду было за семьдесят. Он вышел на пенсию с должности главного прогнозиста загруженности «Энергетических систем Новой Англии». Когда мы познакомились с ним, он прогнозировал количество энергии и генерирующей мощности (нагрузки), которая понадобится острову Ява в последующие 25 лет, а также распределял этот показатель по городам и районам. Поскольку потребности в электроэнергии в значительной степени соотносятся с экономическим ростом, его прогнозы зависели от моих перспективных оценок экономики. Остальные члены команды должны были разработать генеральный план на основе наших прогнозов, определить местоположение и тип заводов, магистральных и распределительных линий электропередачи и систем доставки топлива, чтобы этот план максимально полно отвечал нашим оценкам. Во время наших встреч Чарли постоянно подчеркивал важность моей работы и изводил меня разговорами о том, что я должен быть очень оптимистичным в своих оценках. Клодин была права: я выполнял ключевую для всего проекта работу.

— Первые несколько недель здесь, — объяснял Чарли, — должны быть посвящены сбору информации.

Мы с Говардом сидели в его шикарном кабинете, стены которого украшали батики на темы древнеиндийского эпоса «Рамаяна». Чарли попыхивал сигарой.

— Инженеры составят подробное описание существующей энергосистемы, пропускной способности портов, автодорог, железных дорог и прочего. — Он указал сигарой в мою сторону. — Тебе надо действовать быстро. К концу первого месяца Говард должен получить полное представление о том экономическом чуде, которое обеспечит новая система. К концу второго месяца ему понадобится разбивка по регионам. Последний месяц уйдет на заполнение пробелов. Это будет важнейшим моментом. В этот месяц нам придется поработать совместно. В день отъезда мы должны быть абсолютно уверены, что у нас есть вся необходимая информация. Мой девиз — «Домой ко Дню благодарения!». И никаких возвращений!

Говард казался дружелюбным, добрым дедушкой, но на самом деле это был ожесточившийся человек, чувствовавший себя обманутым жизнью. Он не смог достичь карьерных вершин в «Энергетических системах Новой Англии», и это глубоко его обижало.

— Меня обошли, — повторял он мне, — потому что я отказался купить линию, принадлежавшую компании.

Его выпихнули на пенсию. Не в состоянии сидеть дома с женой, он стал работать консультантом в MAIN. Это — его вторая командировка. Эйнар и Чарли предупредили меня, чтобы я был с ним поосторожнее. Они называли его упрямым, посредственным и мстительным.

Получилось так, что Говард стал одним из самых мудрых моих наставников, хотя в то время я не считал его таковым. Он не прошел такого обучения, как я у Клодин. Возможно, его посчитали слишком старым или слишком упрямым. А может быть, решили, что он недолго задержится на этом месте, пока ему не найдут замену вроде меня. Короче говоря, он представлял собой проблему. Говард совершенно отчетливо понимал ситуацию и то, чего от него ожидали, но не хотел быть

пешкой в этой игре. Все эпитеты, которыми его награждали Эйнар и Чарли, соответствовали действительности, однако в какой-то степени его упрямство объяснялось нежеланием прислуживать им. Сомневаюсь, что он когда-либо слышал термин «экономический убийца», но Говард осознавал, что они намерены использовать его для продвижения той формы империализма, которую он не мог принять. После одной из наших встреч с Чарли Говард отвел меня в сторону. Он пользовался слуховым аппаратом и сейчас теребил маленькую коробочку под рубашкой, регулируя громкость.

— Разговор между нами, — сказал он шепотом.

Мы стояли у окна нашего с ним кабинета, глядя на стоячую воду канала, протекавшего мимо здания PLN. Молодая женщина купалась в грязной воде, стараясь прикрыть саронгом обнаженное тело.

— Они попытаются убедить тебя, что экономика собирается взмыть, как ракета, — продолжал он. — Чарли беспощаден. Не дай ему добраться до тебя.

После его слов я почувствовал внезапную слабость — и одновременно желание убедить его, что Чарли был прав; в конце концов, моя карьера зависела от расположения ко мне моих боссов.

— Конечно, экономика будет процветать, — сказал я, не отводя глаз от канала. — Смотри, что происходит.

— Понятно, — пробормотал он, очевидно, не имея представления о происходившем прямо перед нами. — Ты уже принял их линию, не так ли?

Движение на канале привлекло мое внимание. Пожилой человек подошел к берегу, спустил штаны и уселся спрашивать нужду. Молодая женщина видела это, но, ничуть не смущаясь, продолжала купаться. Я отвернулся от окна и посмотрел Говарду в глаза.

— Я кое-что повидал, — сказал я. — Может быть, я молод, но я только что вернулся из трехгодичной командировки в Южную Америку и знаю, что происходит, когда находят нефть. Все быстро меняется.

— Что ж, я тоже кое-что повидал, — передразнил он меня. — За много лет. И сообщу вам кое-что, молодой человек. Мне наплевать на вашу нефть и все такое. Я прогнозировал нагрузки всю свою жизнь: во времена Великой депрессии, Второй мировой войны, во времена взлетов и провалов. Я видел, что сделала 128-я магистраль, так называемое «массачусетское чудо»[10], с Бостоном. И я знаю наверняка, что нагрузка никогда не возрастала больше чем на 7–9 процентов в год за какой бы то ни было продолжительный период. Это в лучшие времена; 6 процентов в год — более вероятная цифра.

Я пристально посмотрел на него. Какая-то часть меня подозревала, что он прав, но я хотел переубедить его, чтобы успокоить собственную совесть.

— Говард, это не Бостон. Это страна, в которой до сих пор не было электричества. Здесь все по-другому.

Он повернулся на каблуках и взмахнул рукой так, как будто собирался вымести меня из комнаты.

— Давай, вперед, — проворчал он. — Продавайся. Мне наплевать на твои результаты. — Он рывком вытащил стул из-за стола и упал на него. — Я составлю свой прогноз, основываясь на том, что думаю, а не на каких-то высосанных из пальца экономических исследованиях. — Схватив карандаш, он стал что-то писать в блокноте.

Это был вызов, который я не мог проигнорировать. Я подошел к нему и встал перед столом.

— Ты будешь выглядеть довольно глупо, если я выдам всеми ожидаемую оценку — бум, как во

времена «золотой лихорадки» в Калифорнии, а ты спрогнозируешь рост электричества, как в Бостоне в 1960-е годы.

Он бросил карандаш и уставился на меня.

— Это бесчестно! Вот как это называется. Вы — все вы, — он обвел рукой кабинет, — вы все продали душу дьяволу. Вы делаете это только ради денег. Ладно, — он выдавил улыбку и потянулся рукой к коробочке под рубашкой, — я отключаю звук и продолжаю работать.

Он потряс меня до глубины души. Я выскоцил из кабинета и направился к Чарли, но внезапно остановился: а что я, собственно, собираюсь сделать? Я спустился вниз и вышел на улицу. Молодая женщина выходила из канала. Ее мокрый саронг плотно облегал тело. Пожилой мужчина исчез. Несколько мальчишек с брызгами и криками ревились в канале. Пожилая женщина, стоя в воде, чистила зубы; рядом другая стирала белье.

К горлу подступил ком. Я присел на бетонный обломок, стараясь не замечать резкой вони из канала. Я пытался сдержать слезы: мне надо было понять, почему я чувствую себя таким несчастным. «Вы делаете это только ради денег». Слова Говарда снова и снова звучали у меня в голове. Он наступил на большую мозоль.

Мальчишки продолжали брызгаться. Их веселые голоса наполняли воздух вокруг. Я раздумывал, что же мне делать. Что нужно для того, чтобы стать таким же беззаботным, как они? Этот вопрос не переставал мучить меня, пока я сидел, наблюдая, как они ревятся в своем блаженном неведении, очевидно, не имея ни малейшего понятия о том, какую угрозу представляют собой эти зловонные воды. Вдоль канала шел прихрамывая горбатый старик с кривой жестянкой в руках. Остановившись, он стал наблюдать за мальчишками, и его лицо растянулось в беззубой улыбке.

Может, мне следует довериться Говарду и вместе мы сумеем найти решение? И я сразу же почувствовал облегчение. Подняв с земли маленький камешек, я бросил его в канал. По мере угасания кругов на воде исчезала и моя эйфория. Я знал, что не смогу этого сделать. Говард был стар, разочарован в жизни. Карьерные перспективы остались для него позади. Ясное дело, теперь он не хочет прогибаться. Я был молод, только начинал карьеру и вовсе не собирался заканчивать ее так, как он.

Уставшись в гниющую воду канала, я вспомнил Нью-Гемпшир, школу на холме, где в одиночестве проводил каникулы, в то время как мои одноклассники веселились на балах дебютанток. Постепенно я осознал печальный факт. Мне опять не с кем было поговорить.

В ту ночь, лежа в постели, я думал о людях, встретившихся мне в жизни: Говарде, Чарли, Клодин, Энн, Эйнаре, дяде Фрэнке. Интересно, какой была бы моя жизнь, если бы я их не встретил? Где бы я жил? Уж не в Индонезии, это точно. Я думал о своем будущем, о том, куда иду. Я обдумывал решение, которое мне предстояло принять. Чарли недвусмысленно дал понять, что ожидает от нас с Говардом показателей роста не менее 17 процентов в год. Какой же прогноз должен я составить?

Внезапно мне в голову пришла мысль, которая немного успокоила меня. Почему я раньше до этого не додумался? Решение принадлежало вовсе не мне. Говард сказал, что поступит так, как сочтет правильным, вне зависимости от моих заключений. Я мог порадовать своих боссов высокой оценкой экономического роста, но он все равно поступит по-своему; моя оценка никак не отразится на генеральном плане. Мне все время указывали на важность моей работы, но это было не так. Гора упала с моих плеч. Я провалился в глубокий сон.